

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС

№2 (9) 2011

СМЕРТЬ ИГОРЯ КОНА И ЗИЯЮЩАЯ ЛАКУНА ПРАВООЩИТНОЙ СОЦИОЛОГИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Кончина выдающегося гуманиста и необычайно трудолюбивого и продуктивного социального мыслителя Игоря Семеновича Кона (он ушел из жизни 27 апреля 2011 года) стала настоящей трагедией для очень многих людей, хотя своих детей и внуков у него не было и, как следствие, не было прямых родственников, которые могли оплакать его уход. Игорь Семенович Кон работал на стыке науки и просветительского литературно-публицистического творчества, написав и отредактировав многие десятки книг на самые разные темы, но в России всегда хватало и ученых, и писателей, и именно явная невозможность осознания того, что из под его пера больше не выйдут новые книги, заставила столь многих людей глубоко и искренне переживать его смерть как свою трагедию. Защитив еще в 1950 году сразу две кандидатские диссертации – об общественно-политических взглядах Джона Мильтона и об этических воззрениях Николая Чернышевского – И.С. Кон за последующие шесть десятилетий стал признанным корифеем в самых различных областях знаний, от этнографии детства и истории западной социологии до гендерной психологии и социологии молодежи. Однако по всем этим областям знаний в России были, есть и будут и другие специалисты, и если бы И.С. Кон остался в этих рамках, то этого бы, конечно, хватило для получения звания академика Российской академии образования, статуса главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН и медали ордена «За заслуги перед отечеством» (эти артефакты социального признания у него имелись), но никак не было бы достаточно для того, чтобы столь многие, казалось бы, чужие ему люди чувствовали себя осиротевшими с его смертью.

В последние пятнадцать лет академик Игорь Кон был самой публично значимой и уважаемой общественной фигурой, который в статьях, книгах, публичных лекциях (регулярных курсов он не вел) и выступлениях в СМИ отстаивал права тех, кого раньше стыдливо называли «сексуальными меньшинствами». Четкая и ясная позиция Игоря Кона по этой теме, принимая во внимание ее статус в окружающем его гомофобном обществе, управляемом гомофобной властью, на восьмом десятке лет превратила его в ультимативно признанного интеллектуального наставника и, тем самым, в нравственный маяк формирующегося ЛГБТ-сообщества. Игорь Кон на протяжении многих лет фактически был наиболее резонансным публичным интеллектуалом в сфере

правозащитного ЛГБТ-активизма в России, не сравнимым по влиянию и авторитетности ни с кем другим. И всем, кто пришел на его похороны, было понятно, что в этом качестве замены ему нет совершенно, он оставил после себя зияющую лакуну... Уход Игоря Кона для общественного дискурса сравним с трагической гибелью Анны Политковской или Стаса Маркелова, которых нет уже довольно давно, но дела которых – будь то в сфере гражданской журналистики в защиту жителей Северного Кавказа или в сфере юридической правозащиты левых активистов: социалистов, анархистов и антифашистов – продолжить оказалось некому, личностей такого масштаба больше не нашлось. Смерть Игоря Кона – аналогичный случай, и потому записи о том, что с его уходом российское ЛГБТ-сообщество осиротело, едва ли являются преувеличениями.

Игорь Кон был ученым в значительно меньшей степени, чем он был общественным деятелем, использовавшим результаты научных исследований в борьбе за более просвещенное будущее. По большому счету он был одиночкой, работавшим за письменным столом, что, в общем, – определенная проблема для человека, занимающегося более прикладными, чем теоретическими вопросами в тех областях, в которых происходящие в мире перемены отражаются особенно быстро. Во всех трех последних его книгах – «Мужчина в меняющемся мире», «Мальчик – отец мужчины» (обе вышли в 2009 г.) и «Клубничка на березке. Сексуальная культура в России» (ее третье, переработанное и дополненное, издание вышло в 2010 году) – автор ссылается лишь на чужие эмпирические исследования, коих по описываемым им темам в России делалось и делается крайне мало. Игорь Кон был одним из очень немногих в России ученых – публичных интеллектуалов. Хотя его отличало последовательное либеральное мировоззрение, в своем отношении к знанию он следовал именно марксистской логике: задача состоит не столько в том, чтобы объяснить мир, сколько в том, чтобы изменить его. Игорь Кон боролся за сексуальное просвещение, открытость, «нормализацию гомосексуальности» (так называлась его статья, опубликованная в 2003 году), против гомофобии, ксенофобии и национализма. При этом позиции Игоря Кона в вопросах, в которых он считался «прогрессивной общественностью» самым прогрессивным специалистом в стране, были крайне «передовыми» только по российским понятиям. Так, он охарактеризовал как «ненаучную фантастику» предложение о том, что

общество должно признавать свободное право индивида на регистрацию своей гендерной идентичности, аналогичное существующему в социал-либеральных обществах праву на выбор национальной или конфессиональной идентичности. Игорь Кон одним из первых в стране попытался разобраться в том, что представляет собой квинтеория, но ему самому она близкой не стала.

Игорь Кон писал очень много, и его интеллектуальное наследие чрезвычайно обширно. Он начал печататься в период позднего сталинизма, и его статьи и брошюры, опубликованные до 1966 года несут на себе жесткий отпечаток идеологических клише того времени. Названия его первых книг говорят сами за себя: «Развитие личности при социализме» (1954), «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (1959), «Мораль коммунистическая и мораль буржуазная» (1960), «Свобода в «свободном обществе»» (1961)... Перелом наступает в 1966 году, когда 38-летний И.С. Кон начал сотрудничать в журнале «Новый мир».

За исключением сравнительно короткого периода в начале своего жизненного пути, Игорь Кон нигде не преподавал; он также практически не занимался с аспирантами (С.И. Голод – едва ли не единственное исключение за все шестьдесят лет карьеры И.С. Кона в научных учреждениях) и не занимал никаких административных должностей. Не было ли в этом определенной безответственности, желания самоустраниться от неприятной «обязаловки», пусть и ценой отказа от помощи тем молодым людям, студентам и аспирантам, кому он мог бы помочь? Не виноват ли сам И.С. Кон, что оставил после своей смерти столь зияющую лакуну в общественно-интеллектуальном поле? Я, более или менее деликатно, задавал ему эти вопросы, но так и не понял, увы, его ответы на них.

Одно можно сказать наверняка: самоустранение от преподавательской и административной работы оставляли И.С. Кону время писать, а работал он всю жизнь очень и очень много. Начав «второй этап» своей интеллектуальной биографии с впоследствии переведенной на шесть языков книги «Социология личности» (1967), Игорь Кон продолжил его книгами «Открытие Я» (1978) и «В поисках себя: личность и ее самосознание» (1984), также изданными на шести-семи языках. Небольшая книжка «Психология юношеской дружбы» (1973) стала началом движения как в сторону первого в стране учебника для студентов педвузов «Психология юношеского возраста» (1979; издание 1989 года озаглавлено «Психология ранней юности»), так и в сторону книги «Дружба», к которой И.С. Кон возвращался на протяжении нескольких десятилетий: первое издание вышло в 1980 году, четвертое – в 2005. За «Введением в сексологию» (1988) последовали «Вкус запретного плода» (1992), «Сексуальная культура в России» (1997), «Лики и маски однополый любви» (1998), «Мужское тело в истории культуры» (2003), «Сексуальность и культура» (2004) и учебник «Сексология» (2004) для студентов вузов.

Академик И.С. Кон (1928–2011).
Фото Алекса Д. Эпштейна

Как любого русско-еврейского разночинского интеллектуала Игоря Кона не оставял равнодушным «национальный вопрос». В сентябре 1966 года в «Новом мире» вышла его статья «Психология предрасудка» с подзаголовком: «О социально-психологических корнях этнических предрасудков»; пять лет спустя, уже после ухода Твардовского, там же была опубликована его работа «Диалектика развития наций». Его подход к этим вопросам был достаточно типичен для интеллигентно-шестидесятника, ставившего во главу угла интернационалистские ценности. В последние годы он уже книг и больших статей по «национальной» тематике не публиковал, хотя стоит отметить, что в опубликованной в 2009 году монографии «Мужчина в меняющемся мире» есть, в частности, и такие строки: «Альтернативная еврейская маскулинность (Edelkayt) означает мягкость и деликатность, ее идеальный субъект – не воин и не торговец, а посвятивший всю свою жизнь изучению Торы ученый-талмудист или его секуляризованный младший брат Mentsh. В этом образе закодированы такие черты, как развитая рефлексия, сдержанность, умение переносить насилие, не теряя внутреннего достоинства и самоконтроля». Кажется, трудно подобрать более точные слова для описания самого Игоря Семеновича – необычайно стойкого человека, никогда не терявшего внутреннего достоинства и самоконтроля.

Алек Д. Эпштейн, Москва–Иерусалим

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

По-разному отмечался этот праздник: героический парад 1941 года, с которого войска уходили на фронт оборонять Москву; «добровольно-обязательные» демонстрации периода «застоя»; первое организованное «снизу» празднование в 1991 г., после запрета КПСС.

По-разному оценивается этот день ныне. Участники коммунистического и «коммунистического» движения продолжают называть события октября 1917 года Великой Октябрьской социалистической революцией, хотя последние, взятые в кавычки, давно отреклись на практике от революционного духа; «демократы» считают их большевистским мятежом, или путчем, или еще чем-нибудь, в зависимости от терминов, какие они еще там изобретают. В исторической науке они расцениваются ныне как один из этапов общего революционного процесса 1917 года.

По-разному оценивается и общество, возникшее в результате этих событий. Трогательное единство наблюдается между «коммунистами» и «демократами»: и те, и другие считают, что в результате был построен социализм, только первые считают, что он продемонстрировал наилучший общественный строй в истории, а вторые – ошибочность и даже преступность социалистических идей. В левом движении есть и другие оценки построенного общества: «деформированное рабочее государство» (Троцкий и большая часть его последователей), «государственный капитализм» (часть троцкистов, анархистов и некоторые другие) и даже «феодализм» («крас-

ный диссидент» из Самары А.Разлацкий и созданная его последователями небольшая Партия диктатуры пролетариата).

Разногласия в оценках начались со II Всероссийского съезда Советов, который покинули меньшевики и правые эсеры, не договорившись с большевиками о коалиционном правительстве, считавшие, что большевики просто узурпировали власть; они продолжились и в годы гражданской войны, когда представители разных левых организаций оказались по разные стороны линии фронта, а после нее часть вынуждена была покинуть Советскую, вроде бы, Россию.

И в нынешнем левом движении нет единства не только в оценках прошлого, но даже в действиях в настоящем. «Разброд и шатания», как сказал бы в начале века тов. Ленин, затронул не только политические организации, но и рабочее движение – расколот союз рабочих Москвы, не видно организаций, реально координирующих борьбу рабочих за свои права (ну не считать же таковой ФНПР?). И не видно на политическом небосклоне личностей, сравнимых по масштабу с тов. Лениным. Остаются сотрясением воздуха пламенные революционные призывы на митингах, уходит в гудок даже пар забастовок и других временами локально случающихся протестных действий, а правящая партия получает по 105-107% голосов на некоторых избирательных участках. Народ устал от революционных событий начала 90-х и, похоже, не скоро будет готов к тому героическому подъему, результатом которого могла бы стать революция.

Продолжение на с. 3

КАКОГО ЦВЕТА ЭТОТ ПРАЗДНИК И НА ЧЬЕЙ УЛИЦЕ?

(ИСТОРИЯ И АНАЛИТИКА АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ)

Говоря о современном антифашистском сопротивлении, нельзя не сказать о дате, которая вот уже несколько лет является своеобразным «индикатором» состояния фашизации страны и сопротивления этому чудовищному явлению. Это дата – 4 ноября.

Официальное название праздника -- «День народного единства», который впервые официально отмечался в 2005 году, и который, как известно, был введен для того, чтобы «затмить и заменить» праздник 7 ноября. Но вот уже четвертый год самое распространенное название этого праздника на форумах и сообществах в Интернете – это ДЕНЬ ФОШЫСТА. Не употребляющая столь радикальных выражений легальная пресса тоже отражает то явление, что реальные события, происходящие каждый год 4 ноября, демонстрируют всё что угодно, но только не пресловутое народное единство. В более парламентских выражениях СМИ более или менее прозрачно намекают о том же, т.е. о ДНЕ ФОШЫСТА. Напомню, что именно такое восприятие праздника сложилось с того момента, когда власти разрешили 4 ноября 2005 так называемый «правый русский марш». Ну, казалось бы, разрешили и разрешили, в конце концов, у нас вроде бы свобода шестий по закону, так что такого? Чтобы лучше понять контекст происходящего, нужно знать о том, что в том же приснопамятном 2005 году власти не разрешили антифашистский марш, планируемый на 7 мая. Не понравился лозунг «Россия без фашизма», вроде бы такой лозунг нестораживает. «А что, - говорили они тогда, - разве в России есть фашизм?», «Это шествие очень огорчит граждан перед праздником Победы и испортит им настроение». В связи с этим, тот факт, что власти разрешили марш националистов (несмотря на массовые протесты и собранные подписи протестующих) не мог не вызывать возмущения.

Антифашисты протестовали против марша, они пытались остановить марш. Во время следования марша разрозненные группы антифашистов от различных движений и организаций предпринимали отчаянные попытки воспрепятствовать маршу и выразить свой протест. Межрегиональная общественная организация «Антифашистский Союз», активисты которой также во время «правого марша» собрали фотоматериалы, направила жалобу в Генеральную прокуратуру на отказ Московской городской прокуратуры возбудить уголовное дело. «Антифашистский центр» обжаловал отказ прокуратуры в суде. Однако все эти меры ничего не дали. Видно, что власть не для того разрешила этот марш, чтобы потом наказывать его участников. Прецедент состоялся, и из истории уже не вымазать этого коричневого пятна на истории России. У антифашистов хорошая память, и они помнят о том, что в том же году 27 ноября напротив мэрии Москвы власти жестоко разогнали антифашистский пикет. Всё-таки усилия антифашистов не прошли даром, и в конечном итоге власти были вынуждены разрешить антифашистский марш. Инициатором марша выступили демократически-либеральные активисты, но это один из немногих случаев в новейшей истории России, когда их поддержали (хотя и не без сложностей) «неформальные левые движения» МЛФ и Автономное действие. На листовке, призывающей на марш, были слова пастора Мартина Нимеллера: «Когда пришли за коммунистами, я – молчал, потому что я не коммунист. Когда пришли за католиками, я – молчал, потому что я не католик. Когда пришли за евреями, я – молчал, потому что я не еврей. Когда пришли за мной – уже некому было меня защищать». Далее был призыв: НЕ ЖДИ, КОГДА ПРИДУТ ЗА ТОБОЙ ИЛИ ТВОИМИ БЛИЗКИМИ. ПРИДИ НА МАРШ. ОСТАНОВИМ ФАШИСТОВ СЕГОДНЯ, СЕЙЧАС.

Продолжение на с. 3

ЕСЛИ ВСЕ-ТАКИ РОДИТЬ...

Данную статью можно рассматривать как ответ благодарной читательницы на великодушную, на мой взгляд, статью журнала «Нет – значит нет» №2 (В.С., КРИ, Москва) – «За право не делать аборт!». Впервые мне удалось встретить статью, где закон, дающий право на аборт, рассматривается как индульгенция циничному государству-монстру, как своеобразная плата женщины за возможность выжить, не ввергнув себя и свою семью в нищенское существование, или за возможность более или менее равноправно работать и развиваться без опасения упасть на дно карьерного роста, или вообще потерять работу.

«Женщина имеет право на аборт» - эта фраза звучит одинаково кощунственно как из уст законодателя, представителя власти, так и из уст левого оппозиционера, яростного противника абортотворения, ощущающего себя рыцарем борьбы за гендерное равноправие. Впрочем рыцарь не виноват: если женщину лишат и этого права, то у неё не останется никакого, даже кощунственного выбора, и она станет бесправным, весьма зависимым и загнанным в угол существом. С одним только утверждением в статье я позволю себе не согласиться: «женщина... сделала аборт, в глазах общества становится убийцей и эгоисткой». Нет, это в своих глазах, а не в глазах общества она станет убийцей и эгоисткой. Общество её не осудит. Ей не придётся оправдываться. То-то и печально, что общество, стыдливо опустив глаза, понимающее проглотит эту пилюлю. Оно привыкло. Жить - негде, денег мало. Знакомые мужчины не осудят, т.к. не их ребёнок, женщины не осудят, т.к. сами, возможно, делали аборт, родственники не осудят, т.к. не надо материально помогать, мужчина, непосредственно причастный, не осудит, т.к. не надо никого содержать, и т.д. Конечно, он может пережить, но об этом - в другой раз. Так может быть, реализация этого жестокого права - права на аборт - не так уж и страшна? Судите сами. Рассмотрим самый распространённый способ. (Оговорюсь, что менее жуткие способы - таблетка или вакуум - применяют на очень ранних сроках (2-5 недель) и являются платными (6-15 тысяч рублей).) Когда женщина поймёт, что беременна, она должна пойти в женскую консультацию, сдать кровь, пройти флюорографию, получить направление в хирургическое отделение больницы, записаться там к соответствующему хирургу и в назначенный день, когда весь её организм наполнится ощущением созревания в нём новой жизни, явиться в больницу; позволить хирургу (дальнейшее уже под наркозом) внедриться инструментами в свою драгоценную матку с целью отскоблить от неё (вслепую) крохотного младенца - новую бесценную жизнь - и выбросить его. И вы бы видели, с каким презрением и бесцеремонностью медсёстры бросают на кровать в палате этих женщин, привезённых из операционной и не отошедших ещё от наркоза; они швыряют их не глядя, не боясь сломать им руку или ногу. С невозмутимым спокойствием и тайной радостью взирает на это наше государство. Ведь на неродившегося ребёнка ничего не надо выплачивать! Ни тело возможной матери, ни зародившаяся в нём жизнь - не представляют для него никакой ценности. Государству, не желающему видеть дальше своего носа, то есть туго набитого денежного мешка, выгодно это ежедневное детоубийство, и оно поощряет его. Итак, некая женщина, осознав, что у её ребёнка не будет отца,

и, оценив по достоинству всю шаткость своего материального и социального положения, решила воспользоваться своим правом на аборт. Она получила направление, она записалась на аборт, но в назначенный день она на него не пошла. Она вспомнила о другом праве, дарованном ей матерью-природой или самим господом-богом, праве не делать аборт. Вот теперь ей приходится бесконечно оправдываться перед всеми знакомыми и родственниками, которые не прощают ей этого (такого естественного) поступка. Ей все время приходится отвечать на один и тот же вопрос: «Почему ты не сделала аборт?». Но она всё равно родит и - станет матерью-одиночкой. В муках она будет рожать, но и в муках - растить своего ребёнка. Так что же за муки ожидают мать-одиночку после рождения ребёнка? Разумеется, обыкновенная нехватка средств. Давайте посмотрим, какая материальная поддержка её ожидает. При рождении ребёнка она получит единовременное пособие в размере: в субъектах РФ - 10988 рублей 85 копеек; если одинокая мать в возрасте до 30 лет имеет регистрацию по месту жительства в Москве, то на первого ребёнка она получит - 18057 рублей 25 копеек - это пятикратная величина прожиточного минимума (3611 рублей 45 копеек), установленная правительством Москвы. (При рождении второго ребёнка - 25280 рублей 15 копеек, при рождении 3-его и последующих детей - 36114 рублей 50 копеек). Конечно, единовременное пособие можно было бы отложить на чёрный день, но оно скорее всего сразу уйдёт на текущие расходы или на коляску, кроватку, ванну и т.д. Ежемесячно с рождения ребёнка до 1,5 лет наша женщина будет получать: как неработающая (если вынуждена будет уволиться) - 2060 рублей 41 копеек - на первого ребёнка. - 4120 рублей 82 копейки - на второго и последующих. Как работающая: - 40% от среднего заработка. При официальных (серых) зарплатах 7-10 тысяч рублей (установлена минимальная зарплата - 6700 рублей) - это составит, примерно, от 2600 до 3800 рублей. Пусть это будет в среднем 3200 рублей. Как одинокая мать она будет получать пособие на каждого ребёнка до достижения им 16-ти лет: как неработающая(если уволится) мать - 1873 рублей 10 копеек (по данным Фонда социального страхования); как работающая - 40% от среднего заработка, т.е. те же условно принятые нами 3200 рублей. Кроме этого матери-одиночки получают ежемесячные компенсационные выплаты: 500 рублей, если их среднедушевой доход ниже прожиточного минимума; 170 рублей - если выше прожиточного минимума. И 500 рублей на питание детей до 3-х лет (независимо от среднего дохода). Допустим, что у нас среднедушевой доход ниже прожиточного минимума ((3200+3200)/2(мать+ребёнок)=3200рублей). Тогда компенсационные выплаты составят: 500+500=1000 рублей. Итого ежемесячно в течение 1,5 лет работающая (неуволненная) одинокая мать будет получать приблизительно: 3200+3200+1000=7400 рублей; неработающая: 2060+1873+1000=4933 рублей -- на первого ребёнка. Когда ребёнку исполняется 1,5 года - тут начинается самое трудное время. У работающей матери - одиночки остаётся: 7400-3200=4200 рублей в месяц. У неработающей: 4933-2060=2873 рублей в месяц. На эти деньги прожить уже невозможно, и, в самый раз, отгад бы ребёнка в полтора года в детский сад и пойти бы матери работать, как это можно было сделать в 90-е - на-

чале 2000-х гг. Но не тут-то было. Несмотря на то, что в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 01.07.98. №677 «Об утверждении типового положения о дошкольно-образовательных учреждениях» - в детские сады в первую очередь принимаются дети работающих одиноких родителей - при существующем положении с детскими дошкольными учреждениями, когда детских садов катастрофически не хватает, в детский сад берут только тех детей, которым в текущем году исполняется 2 года. При этом детей набирают только в сентябре. То есть, если ребёнок родился в январе 2009 года, то в детский сад его возьмут только в сентябре 2011 года, когда ему исполнится 2 года 8 месяцев. Если ребёнку посчастливилось родиться в декабре 2009 года, то его могут взять уже в 1 год 9 месяцев. Но в 1 год 8 месяцев определить ребёнка в детский сад не удастся даже матери-одиночке. Если мать не является одиночкой, то ей трудно устроить в детский сад и пятилетнего ребёнка. Как прожить 1 год 2 месяца - от исполнения ребёнку 1 года 6 месяцев до исполнения ему 2-х лет 8 месяцев на 4200 рублей, или на 2873 рубля в месяц? Без голода и унижительных просьб? Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Безответственная и варварская политика государства в области налогообложения привела к уходу в тень основных доходов работников предприятий, фирм, учреждений, что в свою очередь привело к обнулению выплат временно неработающим женщинам (по беременности и родам и уходу за ребёнком). Одновременно с этим, чтобы не сложилось впечатление, что все дело только в налоговой политике и получении будущими матерями «серых» зарплат, следует особо отметить, что огромное количество женщин работает в бюджетной сфере, где нет никаких «серых» зарплат. Там вовсе не «серые» зарплаты сами по себе так мизерны, что 40% от них - это нищенские крохи. Поэтому речь, безусловно, идет о необходимости повышения зарплат вообще!!! Тогда 40% от нормальной зарплаты не

будет нищенской суммой. Далее. Мизерные пособия неработающим (уволненным) матерям не могут являться ощутимым подспорьем молодым мужьям в деле обеспечения их семей самым необходимым. Крохотные пособия неработающим одиноким матерям ставят их в полную зависимость от родителей или других родственников.

При этом нередко рождение многих неодиноких матерей ужаснее, чем одиноких. Так женщина, которая замужем, когда ребёнку исполняется 1,5 года, в отличие от одинокой не получает пособия и ПОЛНОСТЬЮ зависит от мужа и родных. И немало мужей, которые не дают женщинам ни копейки. Правда, если муж не даёт денег на содержание ребёнка, то она может затеять бракоразводный процесс с целью взыскания алиментов, который будет длиться годами, и не факт, что она вместо алиментов не получит решения суда о передаче ребёнка отцу. Поэтому наметилась тенденция: женщины не только не вступают в брак, но и вообще не говорят мужчинам, что дети от них, -- тем самым нарушаются права отцов детей и т.д. Если женщина все же будет получать алименты, то они вряд ли превысят 2,5 тысячи рублей в месяц на одного ребёнка (25% от месячного заработка, при получении бывшим мужем все той же «серой» зарплаты).

Таким образом, ущемление прав женщин-матерей с одновременным массовым закрытием детских дошкольных учреждений не оставляет женщине выбора. Всё чаще ей приходится пренебрегать своим исконным женским правом - правом не делать аборт. Безусловно, надо менять экономическую политику; надо требовать отставки лицемерного правительства. Но пока предлагаю лозунги: «Каждому ребёнку - пособие в размере минимальной установленной зарплаты 6700 рублей до 7 лет!» «Нет - беспринципному государству, на словах защищающему материнство и детство, а на деле - толкающему женщину на аборт!»

О.Сонина

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

Продолжение. Начало на с. 1

Ну, что ж, опустим руки и ляжем спать? После первой русской революции казалось, что период политической реакции установился надолго, по крайней мере, на десятилетия. И в начале февраля 1917 г. даже самые пламенные революционеры не ожидали его скорого конца, да и тов. Ленина вообще в России не было... Так что, может, подождать готовых подушки и одеяла, и не таким уж долгим будет тяжкий сон?

Еще совсем недавно мало кто мог ожидать, что прокатится волна выступлений по арабской Африке. Запад поначалу рукоплескал «арабской весне», пока выступления, организованные по схожей методике (через интернет) не прокатились по некоторым странам Запада, в частности, Великобритании. И вот уже растет в «благополучных» западных странах, так радовавшихся «арабской весне», волна выступлений против издержек финансового кризиса, возложенных буржуазией на плечи трудящихся.

Когда-то Маркс и Энгельс считали, что коммунистическая революция будет мировой. Товарищ Ле-

нин решил, что она может начаться в отдельно взятой стране. Правда, товарищ Ленин все же ждал мировой революции. А «товарищ» Сталин начал ставить к стенке тех, кто не верил в возможность построения социализма в одной стране. Мы строили, строили и, наконец, что-то построили, такое замечательное, что многие потом рады были, когда это строение рухнуло. Эксперимент по Ленину, «усовершенствованному» Сталиным, провалился. А эксперимент по Марксу-Энгельсу в мировом масштабе никто не ставил. В конце XIX века классики считали, что Америка еще не готова к коммунистической революции. Естественно: для того, чтобы она стала возможной во всемирном масштабе, мир должен был стать более единым. В начале XX века начавшийся процесс Ленин назвал империализмом, теперь мы говорим о глобализации. Может, не за горами и мировая революция, и действительно «арабская весна» (прорыв, говоря словами товарища Ленина, «слабого звена») в цепи мирового империализма) выльется в «европейскую осень»? В начале XX века, разрабатывая план взятия власти, Ленин рекомендовал брать почту, телефон, телеграф. В начале XXI века революция в любом случае не минует интернет-технологий, что и показали и «арабская весна», и британские события. И теперь не матросы с винтовками будут брать почту, телефон, телеграф, а тщедушные хакеры брать узлы веб-коммуникаций, сотовой связи и т.п.

Марина Комарова

КАКОГО ЦВЕТА ЭТОТ ПРАЗДНИК И НА ЧЬЕЙ УЛИЦЕ?

(ИСТОРИЯ И АНАЛИТИКА АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ)

Продолжение. Начало на с. 1

В результате на Антифашистский марш народу пришлось ничуть не меньше, чем на «правый марш 4 ноября», и антифашисты достойно прошли по Москве, обозначив свою позицию. «Индикатор» 4 ноября 2006 года показал, что антифашисты всё ещё помнят о необходимости объединения всех прогрессивных сил перед фашистской угрозой, что показал их совместный сплочённый митинг.

В свою очередь власти стараются играть сразу на нескольких досках. В 2011 году были запрещены ДПНИ и Славянский Союз, тем не менее, никто из их лидеров не сел за нацистские призывы, более того, лидеры запрещённых пронацистских организаций отправились на встречу с «президентом» Чечни Рамзаном Кадыровым. Причем ожидаемо обе «высокие стороны» оказались довольны друг другом. К чему бы это? Так и напрашивается вывод, что это одного поля ягоды. Власть продолжает играть в нацистскими фюрерами, иногда устраивая показательные зачистки наиболее засветившихся (или попытавшихся сорваться с поводка) банд и главарей. Это всё та же столь любимая властями тактика «управляемого хаоса». И эта тенденция будет продолжаться и усиливаться. Власть хочет сама сидеть на всех возможных стульях. Сама хочет быть главным националистом и главным антифашистом, главным левым, главным правым и главным центристом, хочет всё держать под контролем и дёргать в нужный момент за нужные ниточки.

Так или иначе, лёгких времён антифашистам ожидать не приходится. Фашисты, не могущие запугать антифашистов, и власть, не могущая их поднять под себя, озлобятся. Ситуацию усугубляет нынешний социально-экономический кризис. В условиях кризиса, как многократно показывала история, власти любят разыгрывать именно фашистскую карту, искать внутренних и внешних врагов, «закручивать гайки», валить все проблемы на инородцев и «понаехавших». Чем сильнее будет кризис, тем сильнее будет опасность фашизации. Либерально-демократическое движение (скажем прямо, выполнявшее важную координирующую роль в антифашистском движении 2005-2006 годов) находится в плачевном состоянии. Власть постоянно пробует создать ручную либеральную партию, и многие либералы ведутся на эту разводку. Часть либералов и даже не пошедших к власти, готова брататься с националистами или даже нацистами ради борьбы за свои позиции, организовывать совместные митинги и кампании. Дважды ЛевСД пришлось выйти из оргкомитетов подобных акций, один раз из Комитета 5 требований и один раз из оргкомитета Дня гнева. Удалось ли сохранить хоть какой-либо антифашистской части либерально-демократического движения -- неизвестно. Что самое грустное, иногда подобную тенденцию демонстрирует и неосознанная часть левых. Тем временем, правые националистические и консервативные силы уже практически «слились в объятия» с властью.

В таких условиях ответственность за координацию антифашистского движения

и его состояние целиком ложится на левые силы, а они, как видно, склонны недооценивать эту сферу на фоне других социально-экономических и политических проблем, и особенно на фоне текущего кризиса. В этом году, впервые за долгое время, левые антифашисты планируют совместное шествие, противопоставляющее социалистическую альтернативу и единство трудящихся подлой ксенофобской пропаганде. На акцию выйдут те социалисты и левые активисты, кому дороги ценности интернационализма и борьбы со всяческой дискриминацией, кто готов противостоять разгулу коричневых банд в стране, кто понимает, что вместо социализма он может проснуться при фашистской диктатуре. «И не говорите потом, что мы не предупреждали»... О каждого из нас зависит, будут ли на нашей улице праздники, и какого цвета они будут.

Г.А. Маюв. Эммануил Гольдштейн.

**МАНИФЕСТ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ДВИЖЕНИЯ
«ЛЕВОЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
ДЕЙСТВИЕ»**

Общественное движение «Левое социалистическое действие» является объединением сторонников демократического социализма. Мы считаем себя преемниками российской социал-демократической традиции и составной частью мировой социал-демократии. Социал-демократы — это, прежде всего, пролетарское движение и движение эксплуатируемых народных масс.

На чем мы стоим:

1) Мы против пропасти между богатыми и бедными, против бесстыдной эксплуатации людей и природы. За всеобщее благосостояние и удовлетворение духовных и материальных потребностей. За общество, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

2) Мы предлагаем решительно отказаться от неолиберальных подходов в социальной политике, ухудшающих положение населения в области пенсионного обеспечения, платного образования, медицинского обслуживания, ЖКХ. Мы выступаем за обобществление природных ресурсов.

3) Основным классом современного общества, производящим основную потребительную стоимость, является пролетариат. Пролетарий должен стать абсолютно самостоятельным членом общества, хозяином экономики. Доминирующей должна стать общественная форма собственности на средства производства.

4) Мы считаем важным восстановление системы государственного и общественного контроля, с одной стороны, а с другой — активизацию профсоюзов по защите законных прав и интересов граждан. Необходимы сильные профсоюзы. Они должны стать одной из основных социально-политических сил в стране.

5) Мы за введение 35-часовой рабочей недели везде и 30-часовую, там, где это будет позволять развитие производительных сил и интересы общества.

6) За обязательный оплачиваемый отпуск в размере 31 дня и получение больничного листа без вычета заработной платы.

7) Мы за введение прогрессивной шкалы обложения налогами.

8) За гарантию прав на качественное жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание.

9) Мы против авторитаризма и за политическую свободу. За свободу слова, совести, свободу средств массовой информации, собраний, союзов, передвижения и выбора места жительства, гарантированную неприкосновенность личности. Мы хотим, чтобы все это выполнялось на деле, а не декларировалось.

10) Мы выступаем за полную отмену смертной казни, соблюдение прав человека, гуманизацию пенитенциарной системы. За общественный контроль над силовыми структурами и местами лишения свободы.

11) Нет дискриминации по цвету кожи, национальной, религиозной принадлежности, по полу, возрасту, типам сексуальной ориентации или внешнему виду, а также другим врожденным или приобретенным признакам. Предоставление равных прав всем дискриминируемым группам.

12) За право наций на самоопределение вплоть до отделения.

13) Мы за внесение изменений в Конституцию, обеспечивающих гражданский контроль над всеми институтами государственной власти и местного самоуправления. За участие народа в принятии решений на максимально широком уровне.

14) Мы выступаем за перевод Вооруженных Сил на контрактный принцип комплектования и действенный гражданский контроль над их материально-техническим оснащением и использованием.

15) Мы против неолиберальной глобализации. Мы отвергаем модель глобализации, которая ведет к обогащению нескольких процветающих корпораций за счет эксплуатации большинства населения.

16) Мы, социал-демократы, поддерживаем стремление активных миролюбивых сил планеты, выступающих за реформирование ООН и повышение ее роли, за создание в рамках ООН специальной палаты Генеральной Ассамблеи, представляющей институты гражданского общества.

Свобода! Справедливость! Солидарность!

**ТЯЖЕЛАЯ ПОСТУПЬ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ КНИГИ
А.Д. ЭПШТЕЙНА И О.О. ВАСИЛЬЕВА «ПОЛИЦИЯ
МЫСЛЕЙ. ВЛАСТЬ, ЭКСПЕРТЫ И БОРЬБА С
ЭКСТРЕМИЗМОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
(М.: ГИЛЕЯ, 2011), 175 С.**

Я никогда не рубил топором картинные репродукции икон — по крайней мере, публично. Насколько помню, я также не оповещал общественность о наличии или отсутствии у меня желания жить в фашистском государстве — во всяком случае, последние десять лет. (Вообще, моя политическая активность осталась в ельцинской эпохе: детство было, черт с ним, с детством. В путинской России протестовать мне уже не хотелось.) Я не делал практически ничего из того, за что осудили героев книги Алека Эпштейна и Олега Васильева. Тем не менее, испытывая некоторым опытом общения с 282-й статьей Уголовного кодекса РФ, исследованию практики применения которой посвящена рецензируемая книга, не избежал и я, хотя отделался даже без особого испуга.

Донос в прокуратуру на меня написал депутат, про которого я имел неосторожность написать чистую правду (среди прочего, назвав его «гитлеристом»). Возможно, он просто считал уголовное дело самым техническим простым способом сведения личных счетов, а возможно — кто знает, чужая душа потемки — ему действительно показалось, что что-то в моих текстах может оскорбить чье-то национальное достоинство и возбудить у кого-то к кому-то какую-то рознь. Скорее, все-таки, первое — до этого он уже безуспешно пытался инкриминировать мне клевету, оскорбление, дискредитацию в его лице органов государственной власти и что-то еще.

Я сидел в кабинете дознавателя, в соседнем здании с Бутырской тюрьмой (что, безусловно, добавляло происхождению колорита) и листал материалы досудебного разбирательства. Вручая их мне в руки, сотрудница прокуратуры довольно добродушно заметила, что вообще-то я не имею права читать все эти документы. Хотя папка-скоросшиватель уже распухла от набитых в нее листов бумаги с различными бессмысленными текстами, российская Фемида еще не была до конца уверена, разжигал я или не разжигал.

Я осторожно поинтересовался у дознавателя, понимает ли она, насколько абсурдно требование народного избрания инкриминировать состав преступления 282-й статьи. Она вздохнула, что могло быть расценено как утвердительный ответ на мой вопрос, и обратила мое внимание на документ, подшитый почти в конце папки. Это была экспертиза, которая, в общем и целом, вполне подтверждала основные тезисы доноса. Ее автором был специалист из академического института (подчеркиваю этот факт хотя бы потому, что последующая экспертиза, проведенная институтом, действующем при Генеральной прокуратуре, пришла к противоположным выводам, опровергнув все обвинения, содержащиеся в заявлении депутата). Ну, спросил я, и что мне с этим делать? Пишите объяснение, посоветовала мне работница прокуратуры, что Вы не преследовали задачу развеять межнациональную вражду... Я писал, а дознаватель, в чине, кажется, всего лишь майора, смотрела за окном, скучала и рассуждала о засилии кавказцев. Дело было после принятия закона о противодействии экстремистской деятельности, но до принятия последних поправок в Уголовный кодекс. Полагаю, если бы жанровая сценка в кабинете дознавателя произошла бы на пару лет позже, я вряд ли бы отделался так легко.

Размышления над страницами книги Алека Эпштейна и Олега Васильева мне показалось уместным начать именно с воспоминания об этом случае из персонального опыта в силу нескольких причин. Во-первых, читая изложенные в этом великольном исследовании кафкианские подробности судебных процессов над художниками, учеными, общественными активистами, необходимо помнить: подобное может произойти с каждым. Это не преувеличение: проделанный авторами дотошный анализ материалов судебных разбирательств предельно убедительно доказывает, что практически каждый, кто что-либо пишет или говорит на социальную тематику, может оказаться в глазах правоохранительных органов экстремистом, со всеми вытекающими. А если подозреваемый в этом страшном и опасном злодеянии, с точки зрения следственных органов, по недоразумению еще не наговорил или не написал достаточно, то ничего страшного — все необходимое для успешного хода судебного процесса слова напишут за него и спокойно припишут ему, как это произошло в Тюмени с анархо-антифашистом Андреем Кутузовым, приговор которого, несмотря на очевидную сфабрикованность инкриминируемых ему материалов, утвердили уже три российских суда.

Во-вторых, особое внимание в подобных делах, разумеется, заслуживает роль экспертизы. Именно эти бумажки, написанные, зачастую, людьми, весьма и весьма далекими по своей про-

фессиональной и научной специализации от рассматриваемых вопросов, сплошь и рядом ломают судьбы людей. В моем случае ведомственная экспертиза института прокуратуры оказалась гораздо честнее и профессиональнее сторонней экспертизы академического ученого. В книге А.Д. Эпштейна и О. Васильева подробно рассматриваются случаи, когда следственные органы и суды, не моргнув глазом, принимали в качестве экспертизы тексты, столь абсурдные по своему смыслу, что в другом контексте их нельзя было бы читать без смеха. Но если учитывать, что эти бумажки, сколь бы ни было диким и бессмысленным их содержание, служили основаниями для обвинительных приговоров, желание смеяться пропадает.

Немалое место в книге уделено размышлениям о роли интеллектуалов в этих карательных процессах и шире — в процессе сужения границ дозволенного в обществе и монополизации государством права на свободу действия, слова, мысли и совести. Эти размышления не внушают оптимизма. «В последние годы в России складывается... ситуация, когда именно представители интеллигенции (как правило, добровольно, не по принуждению) становятся наиболее радикальными глашатаями борьбы против права на художественное и интеллектуальное самовыражение», — печально констатируют авторы (с. 17). И далее: «Опыт последних лет отчетливо демонстрирует, что у властей нет никаких проблем с тем, чтобы привлечь научных работников для выполнения практически любого государственного заказа — идет ли речь о ничем конкретном никому не грозящем, но вторгающемся в сознание миллионов грубом искажении исторической памяти о событиях Второй мировой войны в угоду конструированию незапятнанного нарратива Великой Победы или же о «точечных» расправах над какими бы то ни было «несогласными», для чего при деятельном участии интеллектуалов была сформирована нормативно-правовая база, ключевым положением которой стало «противодействие экстремизму» (с. 18).

Конечно, в любой работе, посвященной актуальной социально-политической проблематике, и собранной столь значительное количество информации, можно найти недочеты и фактические ошибки. Авторы заблуждаются, указывая, что «брошюра Бенито Муссолини «Доктрина фашизма» вышла по-русски отдельным изданием один-единственный раз, еще в 1938 году, в парижском эмигрантском издательстве, и в 2003 году — в виде приложения к крайне малотиражному журналу «Великороссийский хозяин» (с. 152). На самом деле, эта брошюра издавалась и в 1990-е годы (и уже тогда ее издал, лидер Право-радикальной партии, страховавшийся от возможного преследования, закончив предисловие, подписанное, кстати, только инициалами, стебным уведомлением «в виду большого количества понта издание следует считать научным»). Несколько странным, на мой взгляд, выглядит и утверждение об отсутствии у термина «экстремизм» «с социологической точки зрения» «всякого содержательного смысла» (с. 18). В работе «Политический экстремизм в России», осуществленной в 1996 году коллективом экспертов из Информационно-исследовательского центра «Панорама», на мой субъективный взгляд, все же вполне получилось сформулировать, какой «содержательный смысл» с политологической точки зрения они вкладывают в это слово. Впрочем, эти дискуссии были уместны тогда, когда этот термин еще не имел юридического значения — с принятием в 2000-х годах комплекса антиэкстремистского законодательства квалификация чьей-либо позиции как экстремистской автоматически означает обвинение в совершении преступления, а не высказывание в рамках политологического анализа. Впрочем, сказанное выше не снижает ценности исследования, основной объем которого занимают очерки в жанре «кейс стадиз», которые, конечно, не могут не поражать, настолько красноречиво они говорят сами за себя.

На основе проанализированных дел авторы делают вывод, что «на сегодняшний день «борьба с экстремизмом» превратилась в наиболее масштабный проект властей по борьбе с идеологическими «инакомыслящими» и политическими оппозиционерами», а 282-я статья УК РФ — «это, скорее, аналог печально известной статьи 190 УК РСФСР о «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»» (с. 173).

Будучи целиком и полностью согласен с комментариями авторов ко всем проанализированным ими конкретным случаям, я все же не готов полностью согласиться со сделанными ими выводами. Столь широкое обобщение, на мой взгляд,

должно было бы опираться не на «кейс стадиз», а на полноценный анализ всей совокупности приговоров, вынесенных по делам об «экстремизме» и «разжигании межнациональной розни». В рамках рецензии было бы нелепо даже пытаться провести такой анализ, однако обращение к колоссальному информационному архиву, накопленному начиная с 2002 года Информационно-исследовательским центром «Сова» (авторы, конечно, пользовались материалами «Совы», однако как мне показалось, несколько избирательно), позволяет, как мне кажется, обоснованно выдвинуть два тезиса.

Во-первых, то, что можно расценить как «неправомерный антиэкстремизм» (т.е., случаи, подобные разобранным в книге А.Д. Эпштейна и О. Васильева), является меньшинством всех «экстремистских» дел. Безусловно, и среди тех, кто обвинялся в пособничестве терроризму, причастности к нападениям на почве ненависти и подобных преступлениях, много ни в чем невиновных людей. Однако трудно поспорить с тем, что этносепаратистский и религиозный политический терроризм, равно как и расистское насилие, являются заметной частью общественной жизни современной России. Подобные преступления — это все-таки реальность, от которой ежегодно страдает жизнь и здоровье сотен людей, а не мифологема, используемая государственным репрессивным аппаратом как уважительная причина для давления на инакомыслящих. Конечно, можно было бы бороться с этими преступлениями и с помощью обычных, «криминальных» статей Уголовного кодекса, однако, правоохранительные органы считают наличие отдельного разработанного законодательства важным подспорьем, и я не уверен, что могу аргументированно опровергнуть их позицию. Хотя бы потому, что (и это уже во-вторых), как свидетельствует статистика, количество по крайней мере расистского насилия (оставим в стороне «терроризм», который достаточно определен в законодательстве, чтобы не бороться с ним, умножая существующие, с помощью антиэкстремистских законов) в России в последнее время пошло на спад. И хотя я не готов утверждать, что это произошло только и именно в результате усилий правоохранительных органов, или что без специально разработанного законодательства у государства не получилось бы сбить волну расистского насилия, захлестнувшего страну, факт остается фактом: десять лет назад большинство подобных преступлений, даже убийства, оставались безнаказанными, а сейчас нацистских преступников действительно сажают.

Поэтому, хотя я и сам как-то чуть не был затян 282-й статьей УК в зернова российской Фемиды, я все-таки не готов вслед за авторами полностью отрицать право этой статьи на существование, и мне все-таки кажется преувеличением прямая аналогия между ней и ст. 190 УК РСФСР. Однако, разумеется, это никак не умаляет достоинств книги «Полиция мысли». Эту книгу, бесспорно, должны прочесть все, кто интересуется происходящим в России и хочет понять механизмы, с помощью которых доминирующий дискурс власти расправляется с инакомыслящими.

Вячеслав Лихачев